

Михаил Анатольевич Членов

Профессор, кандидат исторических наук
Институт «Академия им. Маймонида» при Российском
Государственном Университете им. А.Н.Косыгина
Кафедра филологии и лингвокультурологии
ORCID: 0000-0001-5192-8958

Народная история из уст Рафаила Рафаилова (по полевым тетрадам 28 сентября 1985 г.)

DOI: 10.31168/2658-3364.2020.2.10

Тридцать пять лет тому назад мне довелось побывать в Дагестане.

В Махачкале состоялась этнографическая конференция по проблемам семьи, в которой я участвовал. Воспользовавшись этим, я решил откликнуться на давнее приглашение старого друга Рашида Капланова, который, со свойственным ему изяществом горского князя, предложил поехать в «его имение, поохотиться на фазанов», то есть, присоединиться к нему в его поездке в Дербент, расположенный на самом юге автономного в ту пору Дагестана. На тот момент там проживало более 10.000 горских евреев которых сейчас в Израиле называют кавказскими евреями. Там я познакомился с одним из жителей города Дербента, Рафаилом Авияевичем Рафаиловым, известным в городе под кличкой Тарзан, человеком простым, но весьма уважаемым. Он славился, как знаток истории горско-еврейской общины. Итак...

Дербент. 28.09.1985. Информант Рафаил Авияевич Рафаилов, известный под кличкой Тарзан, родился в 1923 году в ауле Корчаг. Он – пенсионер, раньше был механизатором, трактористом и шофером в колхозе, а во время нашей встречи работал шайлычником. У него было шестеро детей, один из них умер и ещё один эмигрировал в Израиль. Рассказчик проживал со своей женой в традиционном доме с двором по адресу ул. Пушкина дом 24. В отдельной комнате жила его мать, ещё одну комнату занимал жилец, двое внуков – дети покойного сына – Диана и Саша, а также их русская мать, тоже часто жили у Тарзана.

Я пришел к нему в дом вместе с его зятем Гришей (Год) Юсуповым, который рекомендовал своего тестя как главного в городе знатока истории горских евреев. Он сказал Тарзану, что я интересуюсь историей. Тот

посмотрел на меня хитро сказал несколько похвальных слов, а затем приступил к делу и сказал, что знает всё, но не из книжек, а от стариков, поскольку сам не книжный человек, но всегда любил слушать стариков. Вот что он поведал:

Примерно 250–280 лет назад один еврей из Ленинграда, приехал к нам чтобы узнать историю, обычаи и образ жизни всех евреев. Он ездил вплоть до реки Аракс, до Иранской границы, но в Иран не попал. Звали его Юсуп Чёрный¹. Он написал книгу на библейском языке. Поэтому он назвал себя Чёрным, что он сказал: “День мой черный, так как я хочу знать всё про всех евреев”. Всё началось с того, что в 63 году н.э. евреи потерпели поражение от Рима, потому что они не могли договориться между собой и ещё при царе Давиде разделились на две партии, которые враждовали друг с другом. Римляне разбили их, но Тит не хотел разрушать Храм, чтобы он остался памятником для всех народов на все времена, но один полковник, который ненавидел евреев, несмотря на приказ Тита, поджёг Храм, и он погиб. После этого евреи стали расселяться по всему свету и два колена – Давид и Биньямин попали в Европу – это вы будете, ашкеназы, а остальные десять, их много, имена их не помню, остались в Азии. Это – мы. Вот мы жили в Иране, Ираке, вот там. Наши предки жили в Иране очень долго – 460 лет, и образ жизни их был кочевническо-скотоводческий, разводили овец и крупный рогатый скот тоже, жить на одном месте не могли. Весь их образ жизни был такой, чтобы в любой момент можно было в любую минуту встать и уйти от набегов и преследований, потому что они были кочевники-скотоводы и кустарные ремесленники: портные, сапожники, шорники и парикмахеры. Инструмент положил в сумку – и ушёл. Такой образ жизни был у наших поколений. И когда в Иране стали притеснять наших предков, они ушли, бежали в более спокойные края. В то время между Персией и Азербайджаном было государство Медеи, по-нашему – Модей². Это – где сейчас Шеки, Нуха, Варташен. Там был правитель Пэрэз³, который очень любил евреев, и они жили там ещё 180 лет. В то время весь Кавказ от Майкопа до реки Аракс был занят армянами, государством Урарту, которое было разрушено алано-гуннскими полчищами, которые вторглись в Албанию. А с севера подошли хазары, которые покорили все земли, в том числе у нас здесь. Они приняли юдизм⁴, поскольку ислам, их было много, они должны были бы подпасть под них. Христианство, их тоже много было, подпали бы под них, под греков. Греки здесь первые Дербентскую крепость строили. Их царица сюда приехала. Тогда тут вся низменность

¹ Чёрный Иосиф Яковлевич (1835–1880) – этнограф, один из первых исследователей горских евреев.

² Мидия.

³ Пероз – имя сасанидских правителей Ирана III и V вв. н.э.

⁴ Иудаизм.

была заболочена, свирепствовала малярия. И она тут построила крепость, как “дом отдыха” для тогдашних заключенных, чтобы не убивать их, а сами чтоб помирали от малярии. А хазары приняли юдизм – самую маленькую, но самую древнюю религию. Хазары здесь в Дербенте стояли на реке Дарваг’-чай, к северу немного от Дербента. Их каган-коган похоронен в селе К’увлар, километров 20-25 к югу от Дербента, километров 15 от моря. Но, оставим хазар. Кстати, почему они назывались так? Потому что, были кочевниками, ходили отрядами не меньше тысячи, а по-азербайджански, да и по-нашему, тысяча будет *hazar*. Так их и называли – “тысяцкими”. Они были тюрки-кипчаки. Сейчас потомки кипчаков здесь у нас – кумыки. Их вообще было много турецких народов. Туркмен – почему так называется? Потому что по-туркски *турк* значит турок, а *мэн* – я, значит – “я турок” так их спрашивали, а они отвечали. Узбеки значит “сто беков” у них было, эмиров, султанов. Эмир бухарский стал ассимилировать тамошних евреев, которые тоже пришли из Ирана, узбеков стал на еврейках женить, евреев – на узбечках. Чтобы в целях просвещения.

Но оставим их, вернемся к нашим предкам. Они прожили в Медеи 180 лет, а потом опять начались набеги, полчища. И они пошли из Евлаха, из Закаталы, из тех вот районов в Дагестан, в лезгинские села. *Лезги* на древне-албанском языке значит «беженец». Лезгины – это остаток албано-гуннов, которые бежали и заняли Южный Дагестан. Наши предки тоже беженцы, когда в Иране стал ислам и их стали обращать в ислам, они не поддались, язык приняли, а веру – нет. Так попали в Дагестан. А раньше везде были на Южном Кавказе. Есть и армянские евреи, называются *кохи*⁵, я их однажды видел в поезде, они там коньяк продавали. Сказали, что живут в Армении, говорят по-армянски, тоже их там ненавидят все. Сами – евреи, как и мы.

Вот, наши евреи стали спускаться с Шахдага сюда, в Дагестан.

М.Ч: А на самом Шахдаге жили когда-либо евреи?

Нет, там не жили ни в Хиналуге, ни в Крызе; только самое близкое место под Шахдагом – село Г’уруша. Сейчас они живут в Хасавюртовском районе, там есть селение Уллу-Уба, лезгинское село. Предки наши из Кубы спустились по речке – там река есть, делит Кубу на две части, одна из которых называется Красная Слобода, где почти только евреи живут. Вот по этой реке спустились они до моря и пошли на север. миновали Дербент, дошли до реки Уллу-Чай, по-русски она называется река Бугань, ее устье километров 30 к северу от Дербента. Стали они подниматься вверх

⁵ *Кохи* – по-персидски возможно «горец», в качестве этнонима, в том числе каких-то еврейских групп, мне неизвестен, как и вообще неизвестны армянские евреи под таким названием.

по этой реки вверх и дошли до Маджалиса. Там они поселились в долине, которая начинается от мельницы Трисанчи, в 2–3 км от Маджалиса, и тянется на 30 км. в сторону Уркараха. В начале этой долины соединяются две реки. До сих пор долину эту зовут Джухуд-ката, то есть «Долина евреев». *Ката* – по-даргински значит «ущелье», а по-нашему – *дара*, то есть, Джухур-дара⁶. Но так ее не называют, зовут только Джухуд-ката. Там и сейчас много сел, в них живут даргины, они знают, что там жили евреи, сами ведь называют так долину. Даже когда автобус идет на Уркарах, говорят: давай через Джухуд-ката поедем. Там есть кладбища еврейские, ну, там еще какие-то развалины. Вообще нет ничего другого, там же села стоят.

Предки наши пришли туда 910 лет назад и жили там около двухсот лет в дружбе с соседями – даргинами, лезгинами. С лезгинами особенно дружили наши предки. Потом пришел Абу-Муслим⁷, полководец из Ирана, завоевал эти места и поставил перед нашими предками саблю и Коран, что хочешь, значит, выбирай: или будешь казнен, зарублен саблей, или принимай ислам. Многие тогда стали принимать ислам, их потомки стали табасаранами, многие среди них евреи бывшие. А беженцы, кто хотел остаться евреями, пошли на юг. Так образовались разные села вокруг Дербента. Мы до сих пор их помним и называем по этим селам, вот, которые нюгдинские, или корчагские, или другие.

Часть предков пошла жить в село Сергокала, есть к северу от Дербента, а раньше оно называлось Даш-лэхэр. Другая часть ушла в Дербент.

[Гриша Юсупов, вошедший в комнату середине беседы, спросил есть ли «коренные дербентцы». По его тону было ясно, что, по его мнению, таких нет. Внятного ответа от Тарзана он не получил].

Далее были следующие села вокруг Дербента:

1. Нукол, по-нашему это «пресный хлеб», потом пришли азербайджанцы, переименовали в Рукол. Это на горе, километрах в 15 от Дербента. Там есть еврейское кладбище.

2. Маһрача, там тоже жили евреи.

3. Хля-панджи, означает «5 хуторов», или «5 маленьких поселков».

4. Муг'арты, это все села, где жили евреи.

5. Корч'аг', Касумкентского района. Это моя деревня. Там жили мои предки, поселились они там 586 лет назад. Занимались выращиванием морены и из корней ее делали желтую краску, а из семян – черную.

6. А'ра'г' или Орог', это выше Корч'аг'а. Есть еще Ашаг'а-А'ра'г', то есть, Нижний Арах.

⁶ По-персидски и на разных дагестанских языках слово «еврей» звучит как джуһуд, а в язык джухури, для которого характерен т.н. «ротацизм», то есть переход финального -d в -r, «еврей» звучит как джуһур

⁷ Абу-Муслим (от араб. «отец ислама») – легендарный распространитель ислама в Дагестане.

7. Мамрач – последнее село, где жили евреи, переселились оттуда в Дербент только после войны, сейчас там одни лезгины.

8. Хош-Мамзиль, то есть «хороший участок».

9-10. По реке Гюрюм-чай два села около станции Билинджи, в 3-4 км. от железной дороги.

11. Ханжал-Кала, то есть, “кинжальное село”, она стоит на самом гребне, если посмотреть издали, то смотрится, как кинжал.

Во всех этих селах сейчас евреев нет, осталось только семей 10-20 в Маджалисе и около 50 семей в Нюнди (по-нашему эту деревню называют Мюшкюр). Там есть армянская церковь старинная, евреи там выращивают овощи. Две семьи живут в деревне Ог’лаби. Еще евреи живут в Махачкале, Грозном, Моздоке, Кизляре, Пятигорске. В Дербенте, до отъезда в Израиль жило около 20000 евреев. уехало примерно 500 семей.

МЧ: Я слышал, что есть такие евреи, которых называют хайтоги. Кто они?

Это уже язык, наречие особенное. Их называют *х’айтог’и-х’о*. Это маджалисские, а также из Махачкала, Моздок, Кизляр, Хасавюрт, Нальчик, Грозный и другие. У них наречие другое. Они в Дербенте живут, но немного. Они не слились с дербентскими, мы их отличаем, и говорят по-своему. *Дарбанди-х’о* – дербентские, все те, кто сейчас в Дербенте, и, кто раньше в этих селах жил, это все дарбанди.

Гриша вставляет замечание: Нет, неправильно. Ты же не дарбанди, ты корчаг’и, и других мы очень часто так называем по селам, откуда они пришли.

МЧ: Но язык тот же самый у них?

Оба: Да, язык у дарбанди у всех один, различий между аулами нет.

Потом ‘убаи-х’о, то есть, кубинские. Есть еще грузинские евреи, ашкеназы – все, больше я не знаю.

МЧ: А Варташенские?

Этих не знаю. Видеть – видел, но там не бывал. Они все попали в Тбилиси. А ‘убаи много у нас здесь, приезжают и селятся.

На этом беседа-рассказ закончилась. Я почувствовал, что рассказчик иссякает, хотя он и обещал мне десять-пятнадцать часов непрерывного разговора. Я сказал ему, что у меня есть ещё вопросы, на что он, весь поглощенный уже приготовлением ужина, ответил мне так:

Что у тебя на душе, милый? Говори, всё говори! Для меня приезд таких людей, как ты – большая радость. Ты – моя кровь, моя нация – я тебя обязан любить!

Мы ещё немножко поговорили о браках. Он сказал, что на мусульманках практически не женятся, редчайшие исключения. На русских чаще, хотя тоже редко, на ашкеназах довольно охотно. Но чаще всего девушки выходят замуж за ашкеназа, потому что у ашкеназов мужчины очень хорошие, а женщины неприятные.

Вообще, вы ашкеназы – народ необщественный. У нас, если свадьба, похороны – все идут. А у вас... *(он махнул рукой)*. Рабочего человека среди ашкеназов нет. Не обижайся, это я так среди своих говорю. *Еще до этого Гриша, говорил мне, что всегда заступает за евреев, а если что услышит нелестное в адрес евреев, то спуску не дает. Тоже говорил и Тарзан. А у вас, – добавил Гриша, – ребята-евреи робеют что ли, сдачи не дают. Дальше разговор перешел на советскую власть.*

Тарзан сказал: «Лучше её нет. Посмотри, как я сейчас живу. Раньше до революции мы очень страдали. Жили в бедноте, хлеба не было. Работали год за какие-то два-три мешка хлеба, и то азербайджанец потом отнимал. Теперь – всё есть. Советская власть, скажу тебе, власть для евреев. Если кто что посмеет против евреев сказать, будет иметь теперь дело со мной. А раньше – погромы, избиения – всё было. Азербайджанцы *(дербентские евреи называют их персами)* притесняли, но верхушка была очень богатая раньше.

Вскоре, в разгар нашей беседы с Тарзаном, во двор въехала машина Жигули, в которой сидело двое мужчин. Один из них отрекомендовался младшим братом Тарзана – Александром Авияевичем Рафаиловым. Выяснилось, что он, как и его спутник, инспектор по качеству сельскохозяйственной продукции. Хотя он и спешил, но подошел поинтересоваться, что происходит. Услышав, что мы говорим про “историю”, сказал:

Он *(т.е. его старший брат)* может рассказать вам только крестьянскую версию, так сказать, народный взгляд. А она нуждается в серьезной научной обработке. Оказывается, как говорит наука, мы когда-то попали сюда, когда строили нашу крепость, и наших предков привезли из Ирана для охраны её. Они наши предки-иранцы тогда были огнепоклонники. Мы и до сих пор поклоняемся огню и другим божествам.

Присутствовавшие при разговоре Тарзан и Гриша охотно это подтвердили. Гриша говорит:» Мы даже клянемся огнём. Так и говорим:» Клянусь огнем!»

Затем в беседе промелькнуло имя Михаила Дадашева, как сведущего в этих вопросах человека. Я проявил осведомленность и сказал, что он учился в аспирантуре у нас в институте, но ушел не окончив. “Да, почему, это так случилось?” – спросил Александр Авияевич. “Не знаю, – ответил я, – у него умер руководитель, и кажется он не нашел другого”. – «Это очень жалко. Он очень дельный парень».

Оказалось, что Александр Авияевич в свободное время увлекается журналистикой и фольклористикой собирает народные предания и печатает их в журнале “Ватан Советиму” («Советская родина» на татском языке). Он предложил прислать мне рукописи его фольклорных записей, отпечатанные на машинке, сказав, что пишет по-русски, а на татский в альманахе его переводят. Он спросил, нельзя ли чтобы я посодействовал

ему в издании книги татского или южнодагестанского фольклора. Характерно, что, хотя он явно был сторонником татизации, само слово «тат» не прозвучало в его речах, избегал он, впрочем, и слова «еврей», которое все время было на устах у Гриши и его тестя. И тот и другой смотрели на него очень уважительно, как неграмотные на просвещенного, знающего человека. Его антиеврейская позиция, им очевидно, просто не была понятна. Для него основным авторитетом был Хизгил Авшалумов⁸ – «человек, который вам много, очень много чего может рассказать, и знает всё по науке.» Мое упоминание Ихилова⁹, вызвало у него слегка пренебрежительную реакцию: "А! дважды Ихилон". Смысл этого замечания остался мне непонятен.

Рассказ Рафаила Рафаилова, на мой взгляд, представляет большой интерес, как пример народного самосознания горских евреев и их представлений о своём месте в мире, в еврейском народе и на Кавказе. Хотя Рафаил Авияевич подчеркивает, что информацию свою он почерпнул только «от стариков», очевидно, что он был начитанным человеком и читал разнообразную художественную и научно-популярную историческую литературу, от «Иудейской войны» Л. Фейхтвангера до журналов «Знание – сила» и «Наука и жизнь» и им подобным. Разговор шел на русском языке, которым он владел в совершенстве, и рассказ его, записанный на магнитофон, демонстрирует богатство языка и эрудицию рассказчика. Добавим, что для 1985г. эта эрудиция была действительно исключительна для человека, не обладавшего высшим или специально историческим образованием. Надо было обладать недюжинным стремлением к познанию, чтобы найти в доступной советской литературе упоминания о хазарах, исповедовавших иудаизм, или историю про разрушение Иерусалимского Храма римскими войсками! Рассказ, приводимый ниже, конечно, нельзя рекомендовать в качестве мини-учебника по истории горских евреев, но зато он являет собой тот нарратив, который достаточно удовлетворял потребность значительного большинства дербентских горских евреев в знании собственной истории, полагая, удовлетворял бы ее и сейчас, когда стала доступной обширная литература, изданная за последние 30 лет. Действительно, так ли важно для широкого

⁸ Хизгил Давидович Авшалумов (1913–2001) – советский горско-еврейский писатель, активный сторонник кампании «татизации», отрицания еврейского характера горских евреев.

⁹ Ихилон Михаил Матавович (1917–1998) – советский этнограф, противник кампании «татизации», изучал культуру и историю горских евреев, как кавказского народа и части еврейского народа.

потребителя, была ли именно «греческая царица» той правительницей, которая построила дербентскую крепость, или являлось ли Урарту именно «армянским царством»? Наверное, для обычного человека не так уж и важно. Но мы здесь встречаемся с проблемой, не часто обсуждаемой в профессиональной литературе – характеристикой народного знания, темой, важной для понимания ментальности изучаемого общества. Обратим внимание, что профессиональные работы, написанные о горских евреях не джухурскими этнографами, или историками, нередко вызывают, казалось бы, неожиданную для авторов негативную реакцию со стороны горско-еврейских читателей, что часто вызывает у авторов ощущение обиды. Замечательный рассказ «Тарзана» дает пищу для размышления о народном историческом сознании и его глубоком укоренении в народной ментальности. Отметим здесь также, что встреча наша с «Тарзаном» происходила в 1985г., еще в совсем «советское» время, когда доминирующей идеологией советской власти по отношению к маленькому горско-еврейскому народу была т.н. «татизация», т.е. отрыв от еврейской идентичности и еврейской истории. Не случаен эпизод в конце нашей встречи с появлением брата «Тарзана», более образованного человека, который пытается убедить меня в том, что его предки были не евреями, а персами-огнепоклонниками, и ссылается при этом на писателя Хизгила Авшалумова, проповедника этой концепции. И одновременно с этим – рассказ самого «Тарзана», выдержанный абсолютно в рамках еврейской исторической парадигмы!

**Беседа с семьей Шуминовых (из полевого дневника)
(Сухуми 13 октября 1985 г.)**

Шуминовы – варташенские горские евреи, живущие в Сухуми. Отец Шалом 1927 г.р., продавец в галантерейном ларьке. Мать – Мария 1929–1930 г.р., сын Тарфон, около 30 лет, – математик-программист, окончил факультет кибернетики в Тбилиси, работает в Сухумприборе, увлекается Торой и ивритом. Живут в небольшой квартире в центре Сухуми.

Всего в Сухуми 6-7 семей горских евреев, все варташенские., практически все связаны друг с другом родственными отношениями, все выходцы из Тбилиси. Преобладают в Сухуми грузинские евреи, что, по мнению Тарфона, не является сильной стороной общины, «так как они стремятся к замкнутости и считают, что главное, чтобы о них не говорили и не замечали, а дали бы спокойно жить так, как они хотят. Кроме того, они только тем и занимаются, что устраивают свадьбы, годовщины и разные попойки. Среди грузинских евреев иногда бывают смешанные браки. В частности, одна женщина, разведенная с мужем евреем, уже

в возрасте, вышла замуж за абхаза. Ее бывший муж в знак протеста не пришел на йорцайт, устроенный ею в память покойного сына».

(Комментарий р. Боруха, главы малаховской общины: здесь все смешанные браки имеют трагический исход).

Сам Шалом Шуминов в Варташене никогда не был, родился в Кировабаде и в возрасте 4 лет переехал в Тбилиси. откуда в 1954 г. переехал в Сухуми. В 1973 г. сразу после Войны Судного дня ездил в гости в Израиль к брату на 40 дней. Его язык, как он считает, такой же как талышский и как язык азербайджанцев из Лахиджа. Один раз он был в гостях у лахиджцев в Тбилиси, они решили посекретничать, оказалось, что они говорят на его родном языке. Язык этот называется «джухури», а не «тати» (хотя в разговоре с Тарфоном мы употребляли выражение «по-татски»). Татами вообще они себя не называют, и их не называют тоже. Татами в Тбилиси они называли иранцев, которые укладывали булыжники, а не брусчатку на мостовых. Этих иранцев в свое время всех выслали вместе турками, даже туда и лахлухи попали вместе с ними, в Алма-Ату. Вот их мы называли «татами». Вообще в книге Чавчинадзе (?) сказано, что в Грузии евреи живут 2700 лет, когда еще грузинского царства не было. Самые ранние поселились в районе Мцхеты. Но я, когда жил в Тбилиси, в молодости встречался с раввином, у которого была стриженная борода. Отец мой сказал, чтобы я обратился к нему, если хочу узнать о чем-то. Он сказал мне, что евреи живут в Грузии 450 лет. Потому, что самая старая фамилия у евреев – Аджиашвили. Первый из них, Аджи по имени, около 450 лет назад приехал из Бабель, из Вавилона, где башня стояла. Семья Шалома жила до вторжения османов в Варташене, его дедушка был там раввин. *(дальше разговор шел с фрагментарными вставками Марии).* Варташен – районный центр, большинство населения в нем составляли армяне, дальше удинцы. Мария сказала несколько слов по-удински, в т.ч. хэ 'вода', сейчас она забыла этот язык, а раньше понимала, у нее была школьная подруга удинка. А после удинцев потом – азербайджанцы. Было немного и лезгинов. Евреев было около 100 семей. Мария родилась и выросла там, уехала, когда ей было 20 лет. Среди еврейских фамилий вспомнила Шуминовых, Юсуповых (она сама Юсупова), Мордехаевых, Нафталиевых, Хиляловых. Все евреи владели и владеют азербайджанским языком. Некоторые знали и армянский, но «международный» язык был азербайджанский.

Как вот у вас, имеете вы право не знать русский язык? Так и мы все говорим по-азербайджански.

Когда османы пришли в Варташен, то ли англичане им помогли, то ли сами, дедушка с сыновьями переехали в Баку, потом оттуда в Гянджу-Кировабад, а потом в Тбилиси.

МЧ: Почему варташенцы вообще переезжали в Тбилиси, а не в Баку?

У них легче было, чем с мусульманами. Мы азербайджанцев вообще мусульманами называем. У них на нас кинжал с двумя клинками, а у грузин только с одним. В Тбилиси семья поселилась возле серных бань, где живут азербайджанцы и горские евреи. Когда дедушка умер, позвали раввинов, чтобы они разобрали книги и когда они взяли, то остальные пешком несли в синагогу в мешке, чтобы не пропали. Там были еще и лахлухи, иранские евреи. Их просто так называли, потому что они говорили на непонятном языке, так «лах-ла-ха», «лах-лу-ха». А вообще может быть, они от евреев Ахашвероша. В Тбилиси переехала вся семья, кроме одной сестры отца, которая вышла замуж в Кировабаде и там и осталась. Поселились ближе к азербайджанцам, потому что важен был язык, который мы все знали. Отец продавал в магазине, как в Варташене, были кругом азербайджанцы, так и здесь. Шалом кончил азербайджанскую школу им. Ахундова, 8 классов. Учился на «отлично», но имел двойку за поведение. У него был дядя, брат отца, которого арестовали в 1937 г., как врага народа. Он был продавец в магазине, настрадался, побывал на Колыме. В 1954 г. его реабилитировали, он написал жене, чтобы она поехала к нему. Он там уже неплохо жил, работал в пекарне, были деньги. Жена его, она была бездетной, стала советоваться с моим отцом. Он сказал: «Раз он зовет, надо ехать». Но получилось так, что он сам приехал в Тбилиси. Жена его колебалась и не решилась ехать. Он ждал-ждал, но надо жениться. И он женился на русской, с ней и приехал в Тбилиси. Но у него был «минус города» и ему велели в 24 часа покинуть Тбилиси, когда он пришел прописываться. Тогда он поехал в Кутаиси. Там – приходит устраиваться, ему говорят «да-да», нужно принести документы. А когда видят их, говорят, вы опоздали, товарищ. Не прописывали, на работу не устраивали. Да и дальневосточный рубль стал таять. Тогда я с семьей решил переехать в Сухуми. Договорились мы с дядей встретиться у поезда. Ну пошли, долго искали по всему поезду, пока нашли друг друга. Потом я здесь устроился на работу в магазине, а он под крыльшком у меня. Так жили какое-то время. Потом уже магазин разросся, открыли еще один – так удалось его устроить. Он жив и сейчас, ему 85 лет, живёт в Сухуми.

Беседа с Михаилом Мататовичем Ихилковым (25 сентября 1985г.) Махачкала

Был устроен прием с Калоевым и Инал-ипа. Очень вкусно, изобильно и гостеприимно. Сам Михаил Мататович весельчак, балагур, 67 лет, пьет, курит, шутит. Жена – филолог, специалист по татской и кумыкской литературам, в последнее время занимается дагестанско-азербайджанскими связями в области литературы. Долгого разговора не получилось из-за присутствия гостей (был еще Рашид Капланов). Вначале Михаил

Мататович спросил меня, есть ли еще алия? Был удивлен, услышав об Анатолии Хазанове. Сказал, что у них это кончено и больше никогда не будет «Татам не за чем уезжать». Я спрашиваю: «Может быть в Азербайджане?» Его ответ удивленно «Ну может быть там». Потом, улучив момент, стал ругать Мататова и Со., ничего, впрочем, конкретного, не добавив к уже известному. Сказал, что ему совсем не дают печататься, что он отошел от этнографии, занимается не весть чем. У него подготовлены две рукописи «История религии на Кавказе (в Дагестане)», где иудаизму посвящено 150 стр. – требуют выбросить. И «Этническая история горских евреев». Печатать не дают. Занимается сейчас доисламскими пережитками. Много вспоминал С.П. Толстова, который был с ним на равных, обсуждал проблему татов, ничего не боялся. Хотя тут же добавил: «Сейчас бы, наверное, уже боялся». Еще из кандидатской диссертации он вынул около 300 страниц, чтобы не сердить кого-то по просьбе Сергея Павловича Толстова. Мататов продался, ему и его друзьям (Хизгилу Авшалумову) обещано, что они и их дети сохраняют все привилегии. Мусульманское население открыто смеется над ними, но они ссылаются на «руководящие органы», которые поддерживают их спорадически, говоря, что позовут, когда нужно будет.

Зашел разговор об истории. Места расселения из «Царств он расширяет как Кайтаг на основании топонимики в сравнении с хазарскими генеалогиями (?). Считает, что Дарий вел свои войска через Дербент, а не через Дарьял, и что иранцы, пришедшие с ним, расселились потом в Крыму, где впоследствии, встретившись с тюрками, получили название «таты». Караимов считает прозелитами. Джухуд-катта и параллельное ему ущелье Дарьяк-катта он считает местом, где евреи появились очень давно, еще «до присоединения Азербайджана к Персии». Туда они пришли на благодатные, плодородные места с юга из Ирана, где в Багдаде уже занимались земледелием (у евреев есть специальный трактат о земледелии!) Они же принесли сюда культуру виноградарства. Впоследствии расселение шло из Джухуд-катта. Все горские евреи из Маджалиса. Сейчас там гетто, очень жалкое, горских евреев мало, страшно на них смотреть.

Территориальные группы – это группы по языку, как есть различия в говорах между русскими селами. Выделяются дарбанди, дербентские, самые главные и многочисленные. Среди них есть и выходцы из Маджалиса, но они уже стали дербентские. В северном Дагестане живут хайтоги (кайтагские), к которым относятся маджалисские, нюгдинские и весь север Дагестана, в том числе и Махачкала. От них же пошли кизлярские, грозненские (суджюн-кали) и более западные. В Азербайджане выделяются бохуи (новая группа), кубои, к которым относятся варташенские. Последние все пишутся азербайджанцами. Связи все они поддерживают, все же один народ, в том числе и брачные. Вторую, третью жену ездят

братъ в Кубу. О нетатоязычных группах на Восточном Кавказе ничего не знает (кроме грузинских и лахлухов). Ничего не может также сказать о евреях Западного Кавказа. Кончил приветствием Вл.Ч. (Чернину), И.К. (Крупнику), М.К. (Марку Куповецкому), просил его не подвести.

Перевод с иврита Анны Членовой

Folk History by Rafail Rafailov (from Field Notebooks, September 28, 1985)

Chlenov Mikhail

Professor, PhD (Historical Sciences)

Institute "Maimonides Academy"

Chair "Philology and Linguo-culturology", The Kosygin University

Russian Federation, Moscow 117997

Sadovnicheskaya str. 33

<https://kosygin-rgu.ru>

ORCID 0000-0001-5192-8958